

В. С. БАЕВСКИЙ

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ПУШКИНСКОЙ ЭЛЕГИИ
«ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО...»

1

Посвящаю эту работу светлой памяти профессора Б. Я. Бухштаба, с которым мы ее подробно обсуждали в августе 1976 г. Я не думаю, что место каждого стихотворения в историко-литературном процессе непременно представляет собой историко-литературную проблему. Но «Погасло дневное светило...» — явление особое, и мы с Б. Я. Бухштабом пришли к мнению, что его традиция заслуживает более пристального изучения, чем это делалось до сих пор. Напомню, что Б. В. Томашевский дважды говорит о том, что именно этой элегией начался русский романтизм.

Среди разных подходов к изучению романтизма: исследования философских корней, социального значения, жанрового своеобразия, языковых, стилевых, стиховых особенностей, эстетической теории — важное значение имеет аспект тематический. Насколько показателен он может быть, в первом приближении видно из следующего примера. Тематика, почерпнутая из античности, с большой долей вероятности связывается с классицизмом; «скандинавская» или «восточная» экзотика, европейское средневековье соотносятся с романтическим движением; темы, заимствованные из круга повседневной жизни, соответствуют реализму.

Выявить темы и мотивы, свойственные романтическому движению и сравнительно мало распространенные вне его, проследить их эволюцию — значит прикоснуться к самой сердцевине проблемы. Конечно, тему желательно брать не отвлеченно, но в ее философском, эстетическом осмыслении и одновременно в совокупности поэтических приемов. Можно напомнить список романтических тем (разумеется, открытый): увядающий цве-

ток, опадающие листья, самоубийство обманутой девушки, буря, кладбище, любовь к мертвецу, прощание с отчизной, возвращение на родину, плавание (особенно в бурную погоду), горы, пещера; сюда же относится несколько временных тем, в первую очередь «никогда» (и вообще крайностные темы, как «всегда», «полночь», «вечность»).

Б. В. Томашевский пишет о стихотворении «Погасло дневное светило...»: «Именно в этой элегии мы встречаем те темы, которые в значительной степени характеризуют лирику южного периода, а также и замысел первой южной поэмы "Кавказский пленник,,». В первую очередь Томашевский выделяет тему пересмотра жизненного пути, воспоминаний, которая станет органичной для всей поэзии Пушкина, затем указывает темы разочарования в дружбе, «потерянной младости», внутренней неудовлетворенности как «болезни века»¹.

Необходимо выделить еще одну важную тему этой элегии — тему плавания. Оформлена она своеобразно: по-видимому, плавание совершается в тихую погоду, но странник призывает бурю. Позже эта ситуация возникнет в «Парусе» Лермонтова. Тема плавания нередко связана с прощанием с отчизной; это же мы видим в элегии Пушкина. Темой плавания «Погасло дневное светило...» подключается к мощной предромантической и романтической традиции и, в свою очередь, дает мощные импульсы развитию и продолжению этой традиции.

2

Источником темы плавания в европейской литературе является, по-видимому, «Одиссея». Море, океан в мифологических представлениях — важнейшая часть вселенной наряду с небом и землей. Наряду с этим мифологема моря, океана претворяет представления о времени и вечности, а также о других абстракциях, таких как человеческое сознание, одиночество, свобода. Река — путь жизни, стержень вселенной, синонимичный мировому дереву. Плавание по морю и по реке — это прохождение жизненного пути с его бурями и опасностями. Часто вступление в реку обозначает начало жизненно важного дела, переправа через реку — совершение такого дела. Поскольку река часто отделяет мир живых от мира мертвых (у древних греков — Лета),

переправа через реку может обозначать смерть² (отметим попутно, что богатая мифологическая семантика реализована в главе «Переправа» книги Твардовского «Василий Теркин»). Все эти интенции, как и некоторые другие, нашли воплощение в «Одиссее» и последующей литературе странствий.

Обратимся к русскому и, в необходимых случаях, западноевропейскому романтическому движению. Здесь различается плавание под парусом и на веслах. Плыть под парусом — значит быть отданным на волю ветров и волн. Жизнь с ее опасностями аллегорически соотносится с плаванием под парусом в бурю по безбрежному океану или между скалами — таковы, например, «Пловцы» Языкова.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я, —
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря, — мы поспорим
И помужествуем с ней.

(«Пловец» («Нелюдимо наше море...»), 1829)

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

(«Пловец» («Воют волны, скачут волны!...»), 1839) *

Подобные рассуждения встречаем у Печорина в «Герое нашего времени» и у Чичикова — в «Мертвых душах» (где романтические штампы в устах нечистого на руку дельца вызывают заданный комический эффект).

Если стихотворения Языкова представляют героиче-

ский аспект темы, то наряду с этим романтизм знает и вполне благополучное плавание под парусом, например, у раннего Тютчева («Восток белел. Ладья катилась...»). Даже трагический «Воздушный корабль» Цедлица — Лермонтова успешно минует бури, тайные мели и скалы.

Плавание на веслах имеет вроде бы более направленный и надежный характер, что отражено, например, в «Варвике» Саути — Жуковского. Но «Два голоса» Тютчева дают пример иллюзорной целеустремленности плавания на веслах, а в «Арионе» Пушкина мореплаватели используют и парус, и весла и все-таки терпят крушение.

Из привычных образов под влиянием мифологических следов в сфере бессознательного выдающиеся поэты создают аллгорию, в которой бурное море соотносится с неукротимой личностью. Вяземский был близок к такому пониманию, когда писал А. И. Тургеневу 11 октября 1819 г.: «Для Байрона океан — та же жизнь: в земной жизни ему тесно, душно»⁴. «К морю» Пушкина разрабатывает параллели Наполеон — Байрон — океан — автор; «Нет, я не Байрон, я другой...» Лермонтова — параллели Я — Байрон — океан.

Плавание под парусом одинокого поэта, призывающего бурю, потому что бурный океан один близок его душе, прочь от родной земли — таков опорный тематический комплекс элегии «Погасло дневное светило...»

В России предвещавшие пушкинскую энегию темы и мотивы возникают и накапливаются в атмосфере предромантических веяний, легкой поэзии.

Аллегория жизнь — бурное море была излюбленной у М. Н. Муравьева («Жалобы Дидоны», «Ода шестая», «Неизвестность жизни», «Письмо к А. М. Брянчанинову...» и др.). Едва ли не Муравьеву принадлежит заслуга утверждения этой темы в русской поэзии на грани третьей и последней четверти XVIII в. Он же неоднократно проводит тему благополучного плавания сквозь бури к мирной гавани («Ода» 1772 г., «Жалобы Дидоны»), показательную для предромантизма и «антонимичную» центральной теме высокого романтизма (идиллия vs Weltschmerz). За Муравьевым следуют Карамзин, Батюшков, Жуковский.

«Берег» Карамзина (не позже 1802 г.) открывается жатреном:

После бури и волнения,
Всех опасностей пути,
Мореходцам нет сомненья
В пристань мирную войти⁵.

Далее выясняется, что бурное море — это жизнь, покойная пристань — смерть. Батюшков пишет «Любовь в челноке» (не позже 1810), Жуковский — «Пловца» (1811); в 1814 г. Жуковский выполняет перевод баллады Саути «Варвик» с драматическим плаванием в бурю по реке в челне. К началу 1810-х гг. тема плавания в бурю при аллегорическом соотношении плавания с жизнью становится общим местом. Часто она разрастается, входит в основные мотивы стихотворения и подчиняет себе весь сюжет; иногда локализуется в отдельном тропе (например, «У Волги-реченьки сидели...» или «Умиравший Тасс» Батюшкова).

Обратим внимание на то, что тема плавания разрабатывалась именно карамзинистами, но не поэтами противоположного лагеря. Когда в период становления этой темы, в 1810 г., С. А. Ширинский-Шихматов пишет «Возвращение в отечество любезного моего брата князя Павла», он не вводит тему плавания и счастливого возвращения там, где она, казалось бы, неизбежна. Воистину не пишут то, что видят, а видят то, что пишут. Карамзинисты осознали тему плавания в качестве одной из центральных и видели ее даже там, где речь шла о жизни и смерти, а реального плавания не было. Архансты ее не осознали и обходили даже тогда, когда речь шла о реальном плавании.

На рубеже XVIII—XIX вв. тема плавания приобретает и более близкое высокому романтизму оформление. Например, П. А. Словцов в «Дополнении к вчерашнему разговору» (1796) пишет о расставании с пристанью, о галлюте, помчавшимся по зыбям, о парусе, наполненном попутным ветром. В 1-й песне «Бовы» Радищева (1799—1802) мы видим полупародийную разработку темы, предвосхищающую «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона. Герой Радищева отплывает с попутным ветром и под гусли поет грустную прощальную песнь.

По датировке Ю. М. Лотмана, между 1815 и 1818 гг. написано стихотворение близкого к «Арзамасу» и со- сланного на Урал А. И. Мещевского «Пловец»⁶. В нем описано плавание по бурным волнам жизни; перед ги- белью героя появляется тень «девы-цвета» и спасает его. Близость некоторых мотивов и образов позволяет предположить влияние «Тени друга». Этой элегией от- крывается двойной, 17—18 номер «Вестника Европы» за сентябрь 1816 г., она вряд ли могла остаться незаме- ченной Мещевским. Тогда *terminus post quem* для его «Пловца» может быть отодвинут до осени 1816 г.

Однако здесь всюду нет еще сопоставления героя с морем и противопоставления его остальному миру. Ре- шающий сдвиг произошел под влиянием Байрона. По- этому вопрос о том, когда именно и в какой мере рус- ские поэты, прежде всего Батюшков и Пушкин, позна- комились с творчеством Байрона, приобретает немалое значение.

3

Обычно считается, что Батюшков познакомился с поэзией Байрона в самом конце 1810-х гг. Так, И. М. Се- менко пишет: «В частности, вскоре после издания „Опытов“, произошло и его литературное знакомство с Байроном»⁷ («Опыты в стихах и прозе» вышли в ок- тябре 1817 г.). И в другом месте: «С поэзией Байрона Батюшков познакомился по итальянским переводам во время своего пребывания в Неаполе»⁸ (в Неаполе Ба- тюшков жил с февраля 1819 г. до конца 1820).

6 и 7 января 1820 г. А. И. Тургенев сообщает И. И. Дмитриеву и Вяземскому о письме Батюшкова из Ита- лии. Там, по словам Батюшкова, стихи Байрона пере- водят и читают с жадностью. Тургенев подчеркивает, что то же самое происходит и в России⁹. Действитель- но, ряд фактов это подтверждает. Так, Козлов в 1819 г. переводит прозой на французский язык «Абидосскую невесту»; Вяземский с восхищением постигает Байрона в Варшаве и делится своими восторгами с петербург- скими друзьями (об этом далее). Именно в 1819 г. Ба- тюшков выполнил первый поэтический перевод Байро- на на русский язык: отказавшись от спенсеровой стро- фы, он замечательными стихами передал строфу CLXXIII и начало следующей из песни IV «Паломниче-

ства Чайльд-Гарольда» («Есть наслаждение и в дикости лесов...»). По нашим предположениям, именно к 1819 г. относится недоработанное переложение строфы СХХIII той же песни IV «Паломничества Чайльд-Гарольда» (с попыткой сохранения формы спенсеровой строфы), выполненное Грибоедовым¹⁰.

Именно к концу 1810-х гг. имя Байрона приобрело всеевропейскую известность и славу.

Однако у себя на родине Байрон прославился в 1812 г., после выхода в свет двух первых песен «Паломничества Чайльд-Гарольда». И вскоре Батюшков оказался в атмосфере, подверженной облучению байроновской поэзией. С апреля 1812 г. он начал службу в Императорской публичной библиотеке, где стал сослуживцем С. С. Уварова. Уваров же наряду с Дашковым был первым русским человеком, узнавшим стихи Байрона, почувствовавшим его масштаб и заговорившим о нем в России. Ему принадлежит и первое дошедшее до нас, закреплённое в переписке, упоминание Байрона в России — в письме к Жуковскому от 20 декабря 1814 г.¹¹. В 1814 г. Батюшков две недели провёл в Англии. То была пора наивысшего расцвета прижизненной славы Байрона у себя на родине¹². Английского языка русский поэт не знал, в Англии его опекал Д. П. Северин. Батюшков общался и с немногими англичанами, которые знали французский язык. С одним из них он имел долгую беседу, в которой англичанин выражал грусть по поводу того, что надолго покидает милое отечество... Когда в октябре следующего, 1815 г., возник «Арзамас», Батюшков оказался в среде лучших в России знатоков английской культуры, романтической поэзии, Байрона — Уварова, Блудова, Северина, Дашкова, Жуковского.

На барке по пути из Англии в Швецию Батюшков написал элегию «Тень друга». Ряд стихов, особенно в начале, очень похож на стихи стансов Чайльд-Гарольда из песни первой «Паломничества».

Adieu, adieu! my native shore
Я берег покидал туманный Альбиона

Fades o'er the waters blue;
Казалось, он в волнах свинцовых утопал

The Night-winds sigh, the breakers roar
Вечерний ветр, валов плесканье

And shrieks the wild sea-mew.

За кораблем вилася Гальциона
И тихий глас ее пловцов увеселял.

Некоторые английские стихи отзываются в русском тексте дважды. Так, *The Night-winds sigh, the breakers roar*, кроме указанного выше соответствия, имеет еще параллель в стихе Батюшкова

Но ветров шум и моря колыханье.

Эпитет «туманный» из элегии Батюшкова, не имеющий эквивалента в стансах Чайльд-Гарольда, соответствует словосочетанию *the dim twilight* из строфы XIII песни первой «Паломничества», непосредственно предшествующей стансам¹³. Число подобных сближений можно было бы увеличить.

Оценивая «Есть наслаждение и в дикости лесов...», Н. В. Фридман заметил: «В вольном переводе из Байрона проявилось выдающееся мастерство Батюшкова как создателя морских пейзажей (такое мастерство называется и в элегии Батюшкова «Тень друга», где есть даже текстуальные совпадения с его вольным переводом из Байрона; например, образ «говор валов» находим в обоих произведениях»¹⁴. Тонкое наблюдение. «Тень друга», как и «Есть наслаждение и в дикости лесов...», отражает байроновские темы, образы и мотивы; отсюда и сходство двух текстов Батюшкова между собой.

Конечно, «Есть наслаждение...» — это перевод, в котором оригинал передается последовательно, стих за стихом, хотя и с известной свободой; «Тень друга» — оригинальное произведение Батюшкова, содержащее ряд совпадений и сближений со стихами Байрона; здесь большая разница. Можно осторожно предположить, что во время пребывания в Англии в 1814 г. Батюшков через посредников соприкоснулся с «Паломничеством Чайльд-Гарольда» и испытал его воздействие. Оно сказалось на элегии «Тень друга». За нею последовали «На развалинах замка в Швеции» (июнь или июль 1814) и «Песнь Гаральда Смелого» (1816), вольно перелагавшие других авторов, но содержавшие и стихи,

ориентированные на «Тень друга». Опыт «Тени друга» отчасти отразился и в «Тавриде». Можно утверждать, что с 1814 г. Батюшков пребывал в кругу тем, идей, образов песни первой «Паломничества Чайльд-Гарольда», чем и был подготовлен его приход к увлечению Байроном в 1819 г.

Как видим, Батюшков воспринял Байрона, прежде всего, в связи с темой плавания. Для поэта островной Англии она естественна и неизбежна. Русские поэты восприняли ее вместе со всем романтическим ореолом.

4

Вячеслав Иванов в статье «Байронизм как событие в жизни русского духа»¹⁵ показал, что встреча поэзии Байрона с русской культурой стала значительным явлением философско-религиозной мысли, предопределила постановку проблем достойного бытия человека, свободы воли, веры в личного, живого Бога. Согласно В. Иванову, во времена Пушкина и Лермонтова поэзия Байрона была воспитательной силой русского духа. Когда же Пушкин встретился с поэзией Байрона?

Акад. В. М. Жирмунский связывает начало увлечения Пушкина поэзией Байрона со знакомством с Н. Н. Раевским (младшим) летом 1820 г.¹⁶ Сведения о том, что Пушкин под руководством Н. Н. Раевского читал по-английски Байрона в Гурзуфе летом 1820 г., содержатся в воспоминаниях Е. Н. Раевской, однако там нет утверждения, что поэт в то время только узнал Байрона¹⁷. Отметим еще одну неточность: Пушкин познакомился с Н. Н. Раевским ранее, в лицейские годы в Царском Селе.

Б. В. Томашевский пишет, что ко времени написания элегии «Погасло дневное светило...» (ночь с 18 на 19 августа 1820 г.) Пушкин вряд ли настолько проникся чтением Байрона, чтобы произвольно ему подражать¹⁸. Помету «Подражание Байрону» он объясняет стремлением поэта обезопасить себя от нападков критики — упреков в подражательности его элегии.

В. В. Набоков утверждает, что Пушкин впервые познакомился со стихами Байрона в бледных и искаженных прозаических переводах А. Пишо и Е. де Саль на французский язык летом 1820 г. во время путешествия в Пятигорск и в Пятигорске¹⁹.

У всех трех авторов можно заметить стремление (вероятно, невольное) преуменьшить влияние Байрона на Пушкина, чтобы не нанести ущерба представлениям о самобытности Пушкина. Подход В. Иванова представляется более убедительным: соприкосновение русского гения с плодами творчества английского гения имело важнейшее значение для становления именно русского самосознания.

Давно известен источник, который был обойден В. М. Жирмунским и Б. В. Томашевским и недооценен В. В. Набоковым. Как было сказано ранее, в разгар своих свободолюбивых мечтаний Вяземский живет в Варшаве, находит поляка, владеющего английским и французским языком, и этот человек переводит Вяземскому фрагменты «Паломничества Чайльд-Гарольда» прозой на французский язык (Вяземский, мать которого была ирландка, английского языка не знал). Вяземский пересылает стихи Байрона в французских переводах или в собственных переводах с французского на русский (т. е. через язык-посредник) друзьям в Россию, сопровождая их восторженными комментариями. Две темы привлекают внимание Вяземского в первую очередь. Одна — свободолюбие Байрона; другая, с нею связанная, — бегство из Отчизны, в которой нет свободы²⁰. Уже в 1819 г. гигантская фигура Байрона соединяется в сознании Вяземского с обликом юного Пушкина: «Я все это время купаюсь в пучине поэзии: читаю и перечитываю лорда Байрона, разумеется, в бледных выписках французских. Что за окала, из коей бьет море поэзии! Племянник читает ли по-английски? Кто в России читает по-английски и пишет по-русски? Давайте его мне сюда! Я за каждый стих Байрона заплачу ему жизнью своею» (письмо к А. И. Тургеневу от 11 октября 1819 г.)²¹. «Племянник» — Александр Пушкин, в отличие от дядюшки Василия Львовича. А. Пушкин с самого детства пребывал в сфере влияния А. И. Тургенева, и нет ни малейшего сомнения, что письма Вяземского с обширными выписками из Байрона и восторженными отзывами были ему хорошо известны.

Прозаический перевод «Абидосской невесты» на французский язык, выполненный И. И. Козловым в 1819 г., знали Жуковский, Вяземский, братья Тургеневы. Через них с Козловым познакомился А. Пушкин, и

исследователь прав, предполагая, что А. Пушкин был знаком с переводом Козлова²². Невозможно себе представить, что А. Пушкину осталось неизвестным письмо Батюшкова из Италии, полное восторгов по поводу Байрона, упомянутое выше.

Таким образом, есть все основания утверждать, что знакомство Пушкина с поэзией Байрона произошло в Петербурге в 1819 г. через посредство петербургских (Уваров, Козлов), варшавских (Вяземский), итальянских (Батюшков) источников.

Теперь мы полнее видим соотношение «Погасло дневное светило...» и «Паломничества Чайльд-Гарольда». Написав «Погасло дневное светило...», Пушкин поспешил послать текст А. И. Тургеневу и Вяземскому. В ранней молодости Пушкин нередко писал стихи, отвечая ожиданиям старших авторитетов и как бы сдавая им экзамен на овладение определенным жанром и стилем, кругом идей и образов. «Воспоминаниями в Царском Селе» он сдал экзамен на овладение жанром оды (предромантической по стилю!) Державину — экзамен в буквальном смысле слова. «Городком» был блестяще сдан экзамен Батюшкову, Жуковскому, Вяземскому на овладение жанром дружеского послания, стилем «легкой поэзии». «Вольность» — в известном смысле отчет о системе идей, почерпнутых в доме Н. И. Тургенева, — сочетание гражданского пафоса, теории общественного договора, дворянской революционности. Первое послание к Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») возвращает старшему другу в поэтической форме почерпнутые от него убеждения и надежды. Таким же образом «Погасло дневное светило...», с определенной точки зрения, отчет перед Вяземским и А. И. Тургеневым в овладении идеями, образами, стилем Байрона. По получении пушкинской элегии А. И. Тургенев запросил Вяземского, знаком ли он уже с нею. Вяземский ответил 27 ноября 1820 г.: «Не только читал Пушкина, но с ума сошел от его стихов. Что за шельма! Не я ли наговорил ему эту Байронщизну:

Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей...²³

Наконец-то Вяземский имеет возможность процитировать прекрасные русские стихи, несущие те мысли

Байрона, которые еще недавно должен был приводить в прозаическом французском переводе. «Племянник» оправдал надежды. Правда, Вяземский не удержался и от упрека; зачем Пушкин, выразив байроновское разочарование, не передал его революционности? Вяземский еще не осознал, что гений Пушкина входит в сложный, плодотворный кризис, который от юношеского свободолюбия, веры в близкую революцию, через романтическое разочарование, приведет к историзму, объективности, поискам национальных устоев и свободы внутренней, к реализму.

В ответе Тургенева Вяземскому от 8 декабря 1820 г. содержится указание на то, как Пушкин, не зная в ту пору английского языка, мог воссоздать Байрона порусски, опираясь на французские и русские переводы и комментарии друзей: «Пушкин угадает все, что захочет»²⁴.

В свете приведенных фактов и мнений современников Пушкина приходится пересмотреть мнение Томашевского о том, что в «Погасло дневное светило...» Пушкин не подражает Байрону. Томашевский говорит, что можно усмотреть лишь одно текстуальное сближение пушкинской элегии и песни Чайльд-Гарольда из первой песни поэмы:

Nor care what land thou bear'st me to,
So not again to mine.

Неси меня, корабль, носи к пределам дальным < . >
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей.

(Томашевский цитирует по первой публикации элегии). В действительности общих образов и мотивов значительно больше, так что Вяземский был прав, увидев в элегии «Байронщизну», и сам Пушкин имел основание дать указание «Подражание Байрону». Покажем несколько сближений.

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue;
The Night-winds sigh, the breakers roar <...>
Yon Sun that sets upon the sea <...>

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман <...>
Волнуйся подо мной, угрюмый океан

But not my mother earth.
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей.

Let winds be shrill, let waves roll high <...>
Волнуйся подо мной, упрямый океан.

For I have from my father gone <...>
Я вас бежал, отечески края <...>

And have no friend <...>
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья <...>

For who would trust the seeming sighs
Of wife of paramour?
И вы, наперстницы порочных заблуждений <...>
И вы забыты мной...

With thee, my bark, I'll swiftly go
Athwart the foaming brine;
Nor care what land thou bear'st me to,
So not again to mine.

Лети, корабль, носи меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей <...>²⁵

Следует отметить — это тоже говорит о силе влияния Байрона — что еще один стих много лет спустя отразился в «Осени»:

The sails were fill'd, and fair the light winds blew.
И паруса надулись, ветра полны <...>²⁶

5

Закончим несколькими замечаниями общего характера.

В самом общем измерении жизнь и творческая биография Пушкина складываются из двух частей. С возрастной точки зрения это юность и зрелость. Психологически юность — время горьких опытов сердца, ухода из родительского дома, из семьи, бытия вне быта. В плане философском юность — период рационализма и атеизма в духе французского Просвещения XVIII в. С точки зрения общественно-политической это время ре-

волюционных устремлений и надежд. Наконец, в плане литературном — предромантизм; гениальный ученик усваивает все существенное из мировой и русской литературы; Жуковский, два десятилетия идущий во главе русской литературы, признает его победителем.

Зрелость Пушкина проходит под знаком стремления построить свой дом, свою семью. Никакие философские системы теперь, по-видимому, не владеют сознанием поэта, его мирозерцание широко, независимо, динамично и всеобъемлюще. Это период движения от неверия к вере. Вл. Соловьев указывает, что Пушкин пришел вполне к христианским убеждениям, но не научился подчинять им свои страсти («Судьба Пушкина»). Место политических систем молодости заняли совсем другие взгляды: требование полной независимости от любой власти — царя или народа в равной степени — во имя внутренней свободы духа. В литературном плане период зрелости приходится определить как реализм, создавая, сколько при этом следовало бы сделать дополнительных и пояснений...

Теперь скажем о хронологических границах двух периодов. Первый завершается в середине 1820 г. Второй начинается в середине 1824 г.

Между ними — четыре года кризиса, мучительной борьбы с самим собой, переоценки всех ценностей — и одновременно создания элегий от «Погасло дневное светило...» до «К морю», поэм от «Кавказского пленника» до «Цыган», формирования целого литературного направления высокого романтизма. Если в юности Пушкин был известен сравнительно немногим как надежда русской литературы, а в зрелости настолько опередил свое время, что оказался, при исключительной своей известности, обречен на непонимание даже самыми близкими людьми, даже самыми тонкими критиками, то именно в годы южной ссылки к нему пришла огромная слава первого и несравненного русского поэта. Именно здесь началась и далеко продвинулась работа над «Евгением Онегиным». Вообще был подготовлен переход Пушкина к зрелости — а вместе с Пушкиным и всей русской литературы, а вместе с нею — и всего русского общества.

А начался этот плодотворнейший кризис встречей Пушкина с Байроном на фоне большой традиции европейской и русской поэзии, сочетающей темы бегства с

родины, плавания, порыва к безграничной свободе, разочарования в возможности счастья. Так раскрывается перед нами событие в жизни русского духа, о котором писал Вячеслав Иванов. Таков самый общий смысл элегии «Погасло дневное светило...».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 388—389.

² Ad de Vries. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam; London: North-Holland Publ. Company, 1981. P. 387; Lexikon der Antike. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1987. S. 409, 520; Мифы народов мира. — М.: Сов. энциклопедия, 1982. — Т. 2. — С. 374—376.

³ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1958. — С. 191, 234.

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. — СПб., 1899. — Т. 1. — С. 330.

⁵ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. — М.; Л.: Сов. писатель, 1966. — С. 286.

⁶ Поэты 1790—1810-х годов. — Л.: Сов. писатель, 1971. — С. 710.

⁷ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. — М.: Наука, 1977. — С. 471.

⁸ Батюшков К. Н. Опыты... — С. 575.

⁹ Остафьевский архив... — СПб., 1899. — Т. 2. — С. 5.

¹⁰ Баевский В. С. «Прости, Отечество!» Грибоедова — «Из Байрона»? // Рус. литература. — 1980. — № 2.

¹¹ Маслов В. И. Начальный период байронизма в России. — Киев, 1915. — С. 23.

¹² Алексеев М. П. Из истории английской литературы. — М.; Л.: ГИХЛ, 1960. — С. 359.

¹³ The Works of Lord Byron. Vol. 2. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1866. P. 11; Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе... С. 222.

¹⁴ Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. — М.: Наука, 1971. — С. 229.

¹⁵ Русская мысль. — 1916. — № 5. — С. 94—96.

¹⁶ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. — Л.: Наука, 1978. — С. 32.

¹⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. — М.: Художественная лит., 1974. — Т. 1. — С. 217, 488.

¹⁸ Томашевский Б. В. Пушкин... С. 388—389.

¹⁹ Eugene Oegin... with a Commentary by Vladimir Nabokov. Vol. 2. Princeton University Press, 1981. P. 159.

²⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. — СПб., 1899. — Т. 1. — С. 354. — СПб., 1899. — Т. 2. — С. 170—171 и др.

²¹ Остафьевский архив... Т. 1. — С. 326—327.

²² Гликман И. Д. И. И. Козлов // Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. — Л.: Сов. писатель, 1960. — С. 12.

²³ Остафьевский архив... Т. 2. — С. 107.

²⁴ Остафьевский архив... Т. 2. — С. 118.

²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16 т. 1948. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 146.

²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. ... Т. 3. Кн. 1. 1948. — С. 321. Напомним, что Алексей Н. Веселовский указывал, что Байрон стал «властитель наших дум» в 1819—1820 гг. (Западное влияние в новой русской литературе. — М., 1906. — С. 158). Стих батюшковского переложения из Байрона 1819 г. «Шумы же ты, шуми, огромный океан!» справедливо считается предшественником рефрена пушкинской элегии: Гершензон М. О. Статья о Пушкине. — М.: ГАХН, 1926. — С. 122; Виноградов В. В. Стиль Пушкина. — М.: ГИХЛ, 1941. — С. 407—408. В двух работах уже приводились факты, свидетельствующие, что Пушкин познакомился с поэзией Байрона в 1819 г.: Бродский Н. Л. Байрон в русской литературе // Лит. критик. — 1938. — № 4. — С. 114—119; Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 251.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ
Сборник статей

Псков 1994